

ОБРАЗ НЭПМАНА В МАССОВОМ СОЗНАНИИ 20-х гг.: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Образные репрезентации (или образы), приписываемые различным субъектам массовым сознанием, играют далеко не последнюю роль в системе общественных отношений. При этом коллективные иллюзии являются реальной формой социальной психологии и участвуют в процессе формирования стереотипов поведения как их неотъемлемый элемент. И лишь с течением времени обнаруживается их неадекватность действительности. Однако когда те или иные образные репрезентации несут на себе ярко выраженную идеологическую нагрузку, как, например, образ нэпмана 20-х гг., поддержка подобных массовых иллюзий выступает одной из неотъемлемых задач партийно-государственного аппарата, так как «прозрение» грозит властью предержащим серьезными последствиями.

Потребность большевистского режима узаконить себя политически выступала одним из основных побудительных мотивов конструирования образа «новой буржуазии», которая выступала антиподом власти в рамках оппозиции «имущие» и «власть имущие». В новых условиях метаморфоза «антибуржуйского» сознания рабочих вела к тому, что правительство, допустившее нэп, в их глазах само превращается в «буржуйское».^[1] Характерно письмо рабочего-коммуниста Синько из Москвы М.И. Калинину, написанное не в самые лучшие для нэпманов времена (4 августа 1926 г.) и обвиняющее центральные органы не только в бюрократизации, но и в поддержке нэпманов. При признании необходимости нэпа для возрождения народного хозяйства, в письме звучит призыв «знать предел нэпу и не вовлекаться нэпом бесконечно», ибо в противном случае «нэповский уклон в лице бюрократизма окутывает и побеждает пролетарскую массу...»^[2] Заметим, что в массовом сознании 20-х гг. (особенно у городского населения) нэпман и бюрократ («к этому бюрократизму можно приписать нэпманов и спекулянтов») предстают, как кентавр, в неразрывном единстве.

Подобные оценки нередко порождали и прямые угрозы «обуржуазившейся» власти там, «где беспокоит рабочих нэп»: «По такой постановке жизни рабочим придется принимать пассивную активность к власти. И вы знаете, на чем опора нашей власти - на рабочий класс, из которого и выходит Красная армия». Ответом на вопрос о том, что дала простому человеку новая экономическая политика, нередко становилось заключение о необходимости «новой революции на тех, которые плохо делают».^[3] В этом свете становится понятным, почему широко распространившиеся в рабочей среде антибюрократические настроения весьма умело были переведены на рельсы войны с нэпманами и так называемыми «буржуазными спецами».

Очевидно, что навязываемые большевикам законы власти рационального типа (то, что М. Вебер характеризовал как «обудничивание») вели к разрыву между

харизматическими послылками большевизма и рациональными нуждами режима в период нэпа.^[4] В нэпе виделась угроза перерождения коммунистов, растворения в новых условиях коммунистической основы морали. Пугало распространение проституции, азартных игр, торговли наркотиками, коррупции и спекуляции.

Вот весьма характерное сообщение «Известий Воронежского губкома партии» середины 1922 г. с типичными для партийной печати «зоологическими» оценками: «Развелись волчьи ямы буржуазного окружения: кафе, рестораны, игорные притоны, буфеты с крепкими напитками, тотализатор и т.п. - поджидают коммунистов, особенно молодых, чтобы разложить партию».^[5] Эти явления оскорбляли чувства большевиков, настраивали партийных фанатиков «пролетарской чистоты» против нэпмана, зажиточного крестьянина, беспартийного специалиста и прочих, которые олицетворялись с «гримасами нэпа».

«Партия, как бы внезапно испугавшись соблазна нэпа для некоторых, решила свернуться, как свертывается молоко, сжаться в какие-то почти не соприкасающиеся с действительностью сгустки», - эти строки из письма А.В. Луначарского Л.Б. Красину от 10 мая 1924 г.^[6] как нельзя лучше объясняют процесс мифотворчества в отношении образа «новой буржуазии».

Верхушка партийного аппарата, охваченная боязнью нэпа, принимала активные меры по его дискредитации. Официальная пропаганда всячески третировала частника, формируя в общественном сознании образ нэпмана как эксплуататора и классового врага. Газеты пестрели криминальной хроникой, которая, выполняя свою привычную работу по запугиванию обывателя, имела и идеологическую функцию: она занималась пропагандой ненависти к имущему классу.

Судебные процессы над нэпманами носили характер показательных кампаний. На прошедшем в декабре 1921 г. в Москве одном из первых таких процессов К. Радек в обвинительной речи, пропитанной революционным пафосом, сформулировал некое большевистское кредо по отношению к капиталистическим «хищникам»: «На скамье подсудимых сидят мелкие хищники – владельцы кафе, чайных и сапожных мастерских, гастрономических и иных магазинов, словом те «предприниматели», которые, не принося никакой пользы трудящимся, обслуживая жирных, себе подобных господ, по-своему поняли новую экономическую политику».^[7] Здесь мы опять сталкиваемся с явным проявлением зооморфизма как составной части мифологизации общественных процессов. Старый прием, родственный карикатуре и басне, - так сказать, оживотнивание и овеществление осмеиваемого объекта - считался чрезвычайно эффективным.^[8]

На местах сигналы из Москвы восприняли как руководство к действию. Так, летом - осенью 1922 г. в Астрахани прошла целая серия «процессов над эксплуататорами». На одном из них судили нэпмана Харченко - бывшего

красноармейца, ставшего владельцем столовой «Моряк». Хотя в ходе процесса выяснилось, что работницы столовой получали жалование выше, чем на государственных предприятиях, и два раза в день ели бесплатно, суд приговорил Харченко к трем годам лишения свободы и конфискации имущества за «чрезмерную эксплуатацию служащих, найм на работу в обход биржи и т.п.».[\[9\]](#)

С другой стороны, власти старались изо всех сил подкреплять и распространять существующие в пролетарской и бедняцкой среде традиции мифов о справедливых преступниках, борющихся за революционное дело уничтожения буржуев и новоявленных нэпманов. Официальная печать пестрела абсолютно фантастическими описаниями высокого морального облика преступников, а истина «не укради» заменялась призывом «грабь награбленное», который являлся «русским видоизменением» марксистской формулы «экспроприация экспроприаторов».

Новая экономическая политика понималась партийными функционерами как уступка экономического пространства по принципу «выиграть время». О том, что «эту политику мы проводим всерьез и надолго, но, конечно, как правильно было замечено, не навсегда», вполне определенно заявил В.И. Ленин в отчете ВЦИК и СНК IX Всероссийскому съезду Советов 23 декабря 1921 г.[\[10\]](#) Об этом же частнику постоянно напоминали со страниц газет и в выступлениях партийных деятелей всех уровней. Как заявил Ю. Ларин, «капиталисты знают, что мы проводили нэп не для их прекрасных глаз, а потому, что нам это нужно».[\[11\]](#)

Смысл политики Советской власти по отношению к нэпманской буржуазии не в столь образной, но в понятной партийной массе форме сформулировал один из «теоретиков» нэпа Н.И. Бухарин, представитель довольно умеренной части большевистского руководства. Он состоял, по его мнению, «во-первых, в ограничении деятельности частных предпринимателей <...>; во-вторых, <...> в использовании этих элементов для дела социалистического строительства <...>; в-третьих, в хозяйственной борьбе путем конкуренции с ними на рынке <...>».[\[12\]](#) То есть, частный капитал воспринимался лишь как временный «пособник» социалистического строительства.

В целом нэп трактовался партийно-государственным аппаратом как чуждое и враждебное простому советскому человеку явление. А нэпманы, отождествляемые со всем негативом новой экономической политики, были обречены официальной пропагандой принять на себя мифологизированный образ «внутреннего врага» и, соответственно, «пятой колонны» мирового империализма, готовой ударить в спину Советской власти. Ведь нельзя было в конце 20-х гг. утешать бедняка тем, что в его горькой судьбе виноваты царизм и Антанта.

Вирус уравнительности крепко сидел в партийном организме: среди многих коммунистов отсутствие собственности считалось символом большевистской

правоверности. Отмечены случаи, когда даже ношение приличного костюма и посещение театра рассматривались как буржуазный пережиток.^[13] При этом критика нэпа и частной собственности, призывы к борьбе с «излишествами» нэпа встречали одобрение в партийных кругах. На XIV съезде партии в декабре 1925 г. Сталин констатировал, что «из 100 коммунистов 99 скажут, что партия всего больше подготовлена к лозунгу: бей кулака. Дай только - и мигом разденут кулака».^[14]

В не меньшей, а, может, даже в большей степени это желание «стриптиза» было характерно и по отношению к городской буржуазии.

Вряд ли можно говорить о каком-либо примирении власти с имущими слоями после перехода к нэпу: просто война продолжалась иными, «зубатовскими», средствами. Ну, а на войне, как на войне... Все средства хороши. Так, официальная пропаганда проводила курс на поддержание и углубление «классового» размежевания в частном секторе. Партийно-советская печать каждый день публиковала материалы о трудовых конфликтах на предприятиях, являвшихся следствием «эгоизма» и «стяжательства» предпринимателей. Но при этом скрывалось то, что на частных предприятиях заработки были выше, чем на государственных, а взаимоотношения сторон чаще были бесконфликтными. Об этом свидетельствуют проводимые в 1927 г. обследования ВЦСПС, в которых сообщалось, что предприниматели стремились установить дружеские отношения с рабочими, делая им подарки, давая чаевые и повышая зарплату.^[15] Материалы 20-х гг. позволяют говорить о развитии своеобразного «патернализма», когда нередко предприимчивый хозяин воспринимался работниками как «добрый отец»: «Если бы у нас развивалось частное производство, то эксплуатации было бы меньше».^[16]

Власти делали все, чтобы окарикатурить образ новых предпринимателей в глазах народа. Нелепая фигура толстого человека во фраке и в котелке сделалась непременным атрибутом многочисленных театрализованных шествий. «Среди колонн на небольшом интервале шли две костюмированные фигуры: ксендз и буржуй, связанные по рукам железными цепями, а сзади них коренастый и высокий, без грима и в обычной современной «тройке», с кепкой на голове рабочий, держа в руках здоровенный бутафорский молот, которым он изредка ударял по головам ксендза и буржуя. Все трое двигались молча, просто шли посреди колонны, но костюм, грим, молот и его удары делали свое дело - это был законченный театральный акт».^[17] Подобные инсценировки представляли в 20-е гг. ядро концертов художественной самодеятельности и одну из составляющих демонстраций. Не были редкостью на демонстрациях и трамвайчики, везущие в «гигантском гробу... "русский капитализм"».^[18] А на выставке союза художников в конце 1922 г. даже экспонировалась картина с характерным названием «Смерть нэпмана».^[19]

В общем, «высоким искусством» били по «новой буржуазии». Не удивительно, что в глазах рядовых граждан российские предприниматели представляли в столь же карикатурном облике: «Видим, идет семипудовая тетка с заплывшим от

жира лицом, в пышном наряде, напыщенная косметикой, за ней идут дети, также нарядные, самодовольные, счастливые. Идут очкастые, усастые, в три объёма дяденьки, с золотыми, блестящими кольцами».[20]

Вполне понятно, что пропагандистские усилия, питаемые реалиями нэповской действительности, не пропадали зря и оставляли свой след в сознании населения. Типичный пример восприятия городским населением нэпманского «делового мира» 1926 - 1927 гг. даёт нам современник этих событий писатель Л. Шейнин: «В Столешниковом переулке, где нэп свил себе излюбленное гнездо, <...> покупались и продавались меха и лошади, женщины и мануфактура, лесные материалы и валюта. Здесь чёрная биржа устанавливала свои неписанные законы, разрабатывая стратегические планы наступления «частного сектора». Гладкие мануфактуристы и толстые бакалейщики, ловкие торговцы сухофруктами и железом, юркие маклера и надменные вояжеры, величественные крупье, шулера с манерами лордов и бриллиантовыми запонками, элегантные кокотки в драгоценных мехах и содержательницы тайных домов свиданий, <...> грузные валютчики <...> мрачные, неразговорчивые торговцы наркотиками».[21]

Конечно, рынок не был раем для всех нэпманов. Позволяя быстро обогащаться одним, он разорял или, в лучшем случае, едва позволял держаться на плаву другим. Но на фоне низкого уровня жизни основной массы горожан все это бросалось в глаза и расценивалось как социальная несправедливость. В рабочей среде ожидания полного равенства, все сильнее проявлявшиеся по мере развития нэпа, провоцировали ненависть к тем, кто, «не работая, наживает капитал». Все это отливало в традиционные для русского эгалитарного сознания вопросы «Кому на Руси жить хорошо?» и «Кто виноват?»: «Почему опять богатеи нажили капиталы, что и думать страшно, и власть им, и партия ничего не делает? Раз коммунисты, так почему нет коммун, а есть частный капитал?».[22]

Призыв Г.Е. Зиновьева «переломать хребет всем противникам» диктатуры пролетариата, прозвучавший с трибуны XI съезда партии[23], находил своих сторонников и среди беспартийных рабочих. «Сейчас те же капиталисты-буржуи живут, опять наживаются и это все при власти рабочих. Как смотрит рабочий, измученный, истрепанный, больной, никак не могущий оправиться за 10 лет революции? Да он готов броситься разорвать его на кусочки, уничтожить на кусочки его, злоба кипит, рабочий недоволен <...>», [24] - «кипит» возмущенный разум рабочего З. Темкина, описывающего в письме И.В. Сталину царящие в рабочей среде настроения. Идеи равенства, оплодотворенные своеобразным «пролетарским» пониманием справедливости, переводят в массовом сознании нэпманов в разряд «неграждан». Так, группа анонимных авторов в своем заявлении в ЦИК СССР в августе 1927 г., требуя возвращения труженикам их вкладов, изъятых правительством из сберегательных касс, отказывают в этом праве «буржуям, у которых лежит более пяти тысяч».[25]

И все же отношение к новоявленным предпринимателям в городе не было столь однозначным. В условиях перманентного товарного кризиса многие радовались, что «у частного торговца можно все-таки раздобыть то, чего в кооперативе получить нельзя». [26] Подобные настроения в «обывательской» среде нередко обыгрывались на страницах сатирических журналов 20-х гг. Некий гражданин, угощая ветчиной редактора журнала «Бегемот», высказывает свое самое заветное новогоднее желание: «Перво-наперво чего я желаю, это пускай государственная торговля увеличивается. А частные купчишки пушай в дыру валятся». Но при этом он хвалится качеством ветчины: «Знаю, где покупать. Может, видел лавчонку наискось. Гаврилова. Подлец купчишка, а товар прелестный...». [27] К слову сказать, подобные признания мы нередко можем найти и в высказываниях коммунистов среднего и низшего звена. Например, умение частных предпринимателей организовать дело с горечью отмечал в своих мемуарах Н.С. Хрущев: «Мне всегда было больно смотреть, потому что больше толпилось людей у частных магазинов... Частник брал за счет лучшей расфасовки, более внимательного отношения. К тому же хозяйка хочет выбрать, хочет немного поковыряться, посмотреть то и другое, пощупать руками. Вот торговец ее и обхаживает. Кроме того, частник имел уже своих постоянных покупателей, которым давал в кредит, а это имело большое значение...». [28]

Да и в рабочей среде линия водораздела по отношению к предпринимателям не всегда очерчивалась партийной принадлежностью и классовым самосознанием. Зачастую основным критерием выступал «политэкономический» статус рабочего: трудился он на частной фабрике и ощущал себя при этом «эксплуатируемым» или же выступал в роли «гегемона» на предприятиях государственной промышленности. Сильное влияние на антинэповские настроения оказывали и практические достижения и противоречия новой экономической политики, прежде всего в области зарплаты и организации труда. Немаловажное значение имело и отношение самого предпринимателя к своим рабочим. При хорошем отношении и рабочие не оставались безучастными к судьбе хозяев. Так, работники текстильной фабрики Александрова (Сергиевский уезд) ходатайствовали перед советскими органами о том, чтобы хозяина не выселяли из его дома. На фабрике имени Володарского в Московской губернии рабочие без ведома фабричного комитета решили возбудить ходатайство о снижении налогов с хозяина. Были случаи, когда рабочие снабжали хозяина деньгами, чтобы поправить его дела, скрывали невыполнение нанимателем коллективного договора (Одесса), в целях облегчения финансового положения хозяина отказывались от повышения зарплаты (пивной завод Красильникова в Пскове) или даже от ее части. [29] Хотя, понятно, что здесь играло роль не только чисто человеческое отношение хозяина к своим работникам, но и вполне прагматические интересы последних перед лицом безработицы.

Впрочем, эта несколько идеализированная картина требует уточнений. Хотя по многим показателям условия работы на частных предприятиях были лучше, чем на государственных (например, более высокая зарплата и продолжительный отпуск), но и трудились на частных предприятиях рабочие с гораздо большей

интенсивностью. Кроме того, санитарно-техническое состояние заведений частной промышленности значительно отставало от уровня государственной. Так, один из частных механических заводов Саратова находился в большом холодном каменном сарае. На просьбу рабочих улучшить отопление, хозяин не без злорадства заявил, что «нужно быстрее работать, тогда и согреетесь».^[30] «Хозяева, хотя и стараются жить с нами «по душам», все кое на чем нас объегают. Видно, волка как не корми, а он все в лес смотрит. Так, уже 3 месяца прошло, как хозяева должны нам выдать спецодежду, а про нее ни слуху ни духу. То же и с баней при заводе», - жалуется в редакцию журнала «Голос кожевника» рабкор из Воронежа В. Строгаль.^[31] Понятно, что подобные эксцессы не способствовали созданию атмосферы благоприятствования по отношению к частному предпринимателю.

Не менее сложным было отношение к новому предпринимательскому слою со стороны крестьянства, которое сталкивалось с нэпманом чаще всего как с торговцем или «пискулянтом», как говорили сами сельские жители. Более того, в восприятии нэпманов явно обнаруживалось их весьма негативное отношение к городу и городской жизни вообще. В большей степени роптали те, кто не особенно был настроен на систематический труд или попал в сложные жизненные обстоятельства. Особенно тяжело воспринималось усиление имущественной дифференциации. Материалы к газете «Известия» за 1924 г. демонстрируют, как в деревенской частушке 20-х гг., как в зеркале, отражаются классовый водораздел и непримиримость:

*Я любому богачу
Нос и рыло сворочу.
Сворочу и нос, и рыло
И скажу, что так и было.*

Или вот еще образчик обнаженной классовой ненависти, облаченный в религиозную «прозодежду»:

*Угнетателям богатым
Надо голову снести,
Чтобы вновь чертям рогатым
На беду не вырасти.^[32]*

Менталитету крестьянства, далекому «от принципиального сознания неприкосновенности частной собственности», было «чуждо понимание простой, казалось бы, истины, что немислимо признать и утвердить «мелкую» собственность, отрицая и нарушая одновременно «среднюю» и крупную».^[33] Отсюда - поиски социализма, понимаемого в духе некоего «крестьянского Беловодья», где неторопливое течение жизни сочетается с умеренностью. Перед нами плоды рефлексирования некоего А.Т. Мельниченко с Украины, построенные на наблюдениях около лавки: «Но вот заходит другой гражданин, прилично одетый, хороший полушубок, сапоги, калоши, и покупает 10 фунтов сахара, 5 фунтов слив, 5 фунтов вишен, 3 фунта кишмиша, 10 фунтов

рыбы, 1 фунт халвы и кусок туалетного мыла, и думаю я, а быть может, здесь социализм? И даю свое заключение: нет здесь социализма, хотя и обогрется в такой одежде, но обожрется от такой покупки и пропадет, нет его и здесь. <...> А вот бежит владелец богатой маслобойни и говорит: «Вот у меня наряд на трех человек, пойдем вычистим у меня колодец, идите скорей, а я побегу за биндюжником поскорей, мне через час надо уезжать в округ». И думаю я, а может здесь социализм? И даю свое заключение: нет при такой беспокойной жизни он не уживет, забегается и пропадет, нет его здесь».[34] Воистину, легче верблюду полезть через игольное ушко, нежели богатому попасть в рай...

Однако крестьянский прагматизм нередко брал верх, и тогда звучали предложения совсем иного рода: «Через капитал и буржуазию построим коммунизм, и другого выхода нет, а использовать капитал и буржуазию можно, и легко».[35] Учитывая, что в отсутствие правовых гарантий и правовых условий для экономического роста всякая торговая деятельность в Советской России вполне могла быть оценена как «спекуляция», отношение сельского населения к частной торговле, «несмотря на спекулянтский привкус, в данных условиях неизбежный», было в целом благоприятно, так как скупщик «освобождает мужика от во истину бессовестной монополии Советского государства, ... дает ему цену, какой так называемая кооперация не дает».[36]

Более того, реалии большевистской политики уже в самом начале нэпа провоцировали в крестьянской среде рассуждения о бессмысленности и вредности «социалистических затей» большевиков и необходимости возрождения хозяина. Один из таких разговоров, подслушанных в поезде, записал в своем дневнике в январе 1922 г. историк С.Б. Веселовский: «Нужна дисциплина (по русским понятиям и привычкам, это - палка); нужен хозяин; нужны капиталисты и вообще господа, «буржуй», говоря коротко...».[37]

Уже на излете нэпа, в январе 1929 г., крестьянин В.А. Лаврушин в письме председателю Тульского губисполкома С.И. Степанову с ностальгией вспоминает недавние времена: «Частники раньше никаких паев не собирали, а товаров было сколько угодно и чего угодно. У частников не было ни счетоводов, ни председателей, ни заведующих, ни сторожей. <...> Почему же раньше частник начнет торговлю, и все у него барыши, и товары были дешевле и доброкачественней, а теперь все у них какой-то дефицит. <...> По нашему, пусть частник наживает миллионы, лишь бы нам было по цене и больше товаров. А если государство не хочет, чтобы частник наживался, то пусть устроит торговлю государственную...».[38] Хотя у некоторых корреспондентов из крестьянской среды хозяйственная состоятельность государства вызывает сомнения, селькор Л.Н. Бондаренко из поселка Южный Харьковского округа твердо уверен, что «другого более могучего средства для развития человечества», чем капитал, «пока еще не найдено...».[39]

Подобные настроения, особенно явно проявившиеся в конце десятилетия, не могли не настораживать власть предержащих, хотя сколько-нибудь значительная и устойчивая группа предпринимателей капиталистического типа

за годы нэпа так и не сложилась. Большинство нэпманов были выскочками, а не выходцами из старых деловых кругов. Конечно, в частном секторе имелись владельцы очень крупных состояний: в 1925/26 г. было зафиксировано 6 предприятий, стоимость основных производственных фондов каждого из которых составляла в среднем 760 тыс. руб. Но такие большие состояния, быстро складывающиеся за счет махинаций, быстро и исчезали. В середине 20-х гг. среди крупных нэпманов не было ни одного, не привлекавшегося к уголовной ответственности. Данные показывают, что их состав за год обновлялся больше, чем наполовину.

В руки предпринимателей капиталистического типа попадал приблизительно 1% национального дохода, поэтому влиять сколько-нибудь существенно на народное хозяйство они не могли. Основной фигурой частного сектора в 20-е гг. был мелкий предприниматель. И хотя на долю частников приходилось 75% объема торговых оборотов и 87% объема промышленного производства, материальный уровень жизни большинства из них не отличался очень резко от основной массы населения. Если принять за 100% размер душевого потребления в семьях рабочих, то в семьях владельцев торгово-промышленных предприятий он был равен 251%. Совсем незначительными, не более 10 - 12%, были различия в обеспечении жильем.[\[40\]](#)

Это позволяет сделать вывод, что развитие частнокапиталистического сектора в годы нэпа не достигло, да и не могло достигнуть, опасного для Советского государства уровня, так как большая часть торговых предприятий действовала в течение короткого периода и о накоплении крупных капиталов не могло быть и речи. Кроме того, что не менее важно, нэпмановский бизнес был скорее ориентирован на выживание и на прожигание жизни, чем являлся базовой жизненной целью.

Явления, названные в литературе «гримасами» или «угаром» нэпа, достаточно известны. Нэпманы, неуютно чувствовавшие себя при власти большевиков, часто вели себя по принципу «пропадать - так с музыкой», предаваясь пьяным кутежам и разврату. Отсюда - некая «аура», которая ассоциировалась с «последними русскими капиталистами», влекущая за собой определенный спектр впечатлений.[\[41\]](#) Уже само существование частника порождало многочисленные экономические, социальные и политические проблемы: воздействие на цены и на уровень жизни населения, порождение бюрократизма и коррумпированности госаппарата, срыв контроля и планирования и т.д.

Как указывалось выше, обстановка нэпа, образ жизни «новых капиталистов» не мог не воздействовать на стиль работы руководителей и чиновников, не мог не стимулировать их склонность к взяточничеству и казнокрадству. Слова «растрата» и «взятка» были в 20-е гг. у всех на слуху. Некоторые руководители, разведясь со старыми женами, искали себе новых среди дочерей нэпманов. Все это в немалой степени способствовало сохранению в сознании партийцев жупела «капитала».

Нэп признавался не только весьма опасным для психологии партийцев в руководящих кругах, но и часть коммунистов была изначально недовольна его объявлением, рассматривая этот шаг Ленина как недопустимый компромисс с буржуазией. «Если в первый период нэпа «казна» пролетариата разворовывалась частнокапиталистическими хищниками, которые напозли со всех сторон, и в значительной мере на воровстве казенного добра и сомнительных сделках уголовного характера проявляли свое «делячество» и занимались «первоначальным капиталистическим накоплением № 2», то и значительные слои полуголодного «служилого сословия» не могли не подвергнуться сугубому искушению», - признавал факт разложения в аппаратной среде Н.И. Бухарин в декабре 1927 г.[\[42\]](#) Хотя большинством коммунистов нэп воспринимался как предательство идеалов, а призыв «учитесь торговать» звучал кощунственно, нередко происходила и трансформация коммуниста в «красного купца» (или «краскупа», как он определялся тяготеющим к аббревиатуре и сокращениям сознанием постреволюционной эпохи) подобно тому, как это описывал некто П.Ф. Пономарев из Сталинградской губернии: «Теперь он против коммунизма, за частную собственность, и не один он, много таких».[\[43\]](#)

Это «много» и толкало партийное руководство на широкомасштабную борьбу против «буржуазных пережитков», прежде всего в партийной среде. Презрительное отношение к представителям «новой буржуазии», достаточно широко распространенное среди большевиков, подпитывалось и элементарной завистью к их образу жизни. Рассуждения о целесообразности новой экономической политики непременно переходили в плоскость того, что «это был бы прекрасный нэп», «если бы этот нэп был без нэпманов, без кулаков и без концессионеров».[\[44\]](#) И при этом партийной бюрократией совершенно игнорировалось то обстоятельство, что хозяйственные успехи нэпа были связаны прежде всего с предпринимательской деятельностью капиталистических элементов. Благодаря их капиталам, их предприимчивости, знаниям и опыту восстанавливались многие хозяйственные объекты, развивалась торговля, возрождались экономические связи между регионами страны. Своей предпринимательской активностью они заставляли шевелиться неповоротливые государственные предприятия и организации, способствовали вовлечению в хозяйственный оборот «мертвых» ресурсов.

Политика большевиков «валить с больной головы на здоровую» в поисках «стрелочника» мало способствовала решению стоящих перед страной насущных задач. Более того, она загоняла вглубь одни противоречия нэпа и выпускала на поверхность другие. Перекалывание вины на плечи нэпманов обходило нарастающее противоречие между объективными законами экономического роста и политическими программами преобразования страны. Стремление сплотить советское общество перед лицом внешнего врага на практике приводило к разжиганию классовой борьбы внутри страны. Негативная социальная энергия находила свой выход у широких слоев населения в готовности к «войне» с нэпманом и кулаком. В некоторых районах беднота

открыто заявляла, что сначала расправится с местной буржуазией и лишь потом отправится сражаться с мировой контрреволюцией.[\[45\]](#)

Подобные настроения активизировали слои населения, стремящиеся к восстановлению своего статуса периода Гражданской войны (деобилизованные командиры и красноармейцы, бывшие красные партизаны и т.п.), и тем позволили сталинскому руководству достаточно эффективно манипулировать массовым сознанием и перекладывать всю ответственность за собственные просчеты на «внешнюю и внутреннюю контрреволюцию». Обстановка «управляемого кризиса» и «контролируемой напряженности», в создании которых львиная доля вины возлагалась на «новую буржуазию», обеспечивала переход от относительно «нормального» развития нэповского периода к социально-психологической мобилизации «большого скачка». Стремление к очередной «экспроприации экспроприаторов» как чума захватывало все более значительные слои общества.

Примечания:

[\[1\]](#) Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М.,1997. С.94.

[\[2\]](#) РГАСПИ. Ф.78. Оп.7. Д.172. Л.65-65об.

[\[3\]](#) Там же. Л.14.

[\[4\]](#) Энкер Б. Начало становления культа Ленина//Отечественная история. 1992. № 5. С.201.

[\[5\]](#) Цит. по: Никулин В.В. Власть и общество в 20-е гг.: Политический режим в период нэпа. Становление и функционирование (1921 - 1929 гг.). СПб.,1997. С.150-151.

[\[6\]](#) См.: Коммунист. 1991. № 12. С.104.

[\[7\]](#) Цит. по: Виноградов С.В. Нэп: опыт создания многоукладной экономики. М.,1996. С.81.

[\[8\]](#) Подробнее см.: Багдасарян В.Э. Проблема мифологизации истории в отечественной литературе 1990-х гг. М.,2000. С.41-42.

[\[9\]](#) Виноградов С.В. Указ.соч. С.82.

[\[10\]](#) Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т.44. С.310-311.

[\[11\]](#) Ларин Ю. Частный капитал в СССР. М.,1927. С.237.

- [12] *Бухарин Н.И.* Избранные произведения. М.,1989. С.200.
- [13] *Никулин В.В.* Указ. соч. С.159.
- [14] *Сталин И.В.* Соч. Т.7. М.,1952. С.337.
- [15] ГА РФ. Ф.5451. Оп.11. Д.63. Л.4об.
- [16] РГАСПИ. Ф.17. Оп.68. Д.376. Л.55,58.
- [17] Цит. по: *Глебкин В.В.* Ритуал в советской культуре. М.,1998. С.102.
- [18] Правда. 1927. № 257. С.3.
- [19] *Нестеров М.В.* Письма//*Нестеров М.В.* Избранное. Л.,1988. С.270,279.
- [20] РГАСПИ. Ф.78. Оп.7. Д.172. Л.13-13об.
- [21] *Шейнин Л.* Старый знакомый. М.,1957. С.38.
- [22] ГА РФ. Ф.6836. Оп.1. Д.22. Л.42-43.
- [23] XI съезд РКП(б): Стенографический отчет. М.,1961. С.681.
- [24] РГАСПИ. Ф.17. Оп.85. Д.514. Л.198.
- [25] ГА РФ. Ф.3316. Оп.64. Д.394. Л.8.
- [26] См.: Читая письма Бориса Бруцкуса (письма экономические, политически, домашние)//*Евреи в культуре Русского Зарубежья. Статьи, публикации, мемуары и эссе.* Т.V. Иерусалим,1996. С.254.
- [27] Бегемот. 1925. № 1. С.6.
- [28] Цит. по: *Виноградов С.В.* Указ.соч. С.92-93.
- [29] См.: *Гимпельсон Е.Г.* Нэп и советская политическая система, 20-е гг. М.,2000. С.221; ГА РФ. Ф.5451. Оп.11. Д.63. Л.5-6.
- [30] См.: *Виноградов С.В.* Указ.соч. С.80.
- [31] ГА РФ. Ф.5545. Оп.1. Д.6. Л.131.
- [32] ГА РФ. Ф.1244. Оп.2. Д.59. Л.92-94.
- [33] *Веселовский С.Б.* Дневники 1915 - 1923, 1944 годов//*Вопросы истории.* 2000. № 10. С.119-120.

- [34] Цит. по: *Соколов А.К.* «Создадим единый фронт борьбы против нэпа» (Анализ общественных настроений конца 20-х гг. по письмам и откликам рядовых советских граждан)//Нэп: завершающая стадия: Соотношение экономики и политики. М.,1998. С.155-156.
- [35] Цит. по: *Соколов А.К.* Указ.соч. С.143.
- [36] Читая письма Бориса Бруцкуса... С.254.
- [37] *Веселовский С.Б.* Указ.соч. С.125.
- [38] РГАСПИ. Ф.82. Оп.2. Д.1451. Л.5-10.
- [39] Цит. по: «Социализм - это рай на земле»: Крестьянские представления о социализме в письмах 20-х гг.//Неизвестная Россия: XX век. Кн.3. М.,1993. С.220.
- [40] См.: *Свищев М.А.* Опыт нэпа и развитие мелкого производства на современном этапе//История СССР. 1989. № 1. С.10; Статистический справочник СССР. 1928. М.,1929. С.458.
- [41] Голос народа: Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918 - 1932 гг. М.,1997. С.178.
- [42] *Бухарин Н.И.* Культурные задачи и борьба с бюрократизмом// *Бухарин Н.И.* Проблемы теории и практики социализма. М.,1989. С.185.
- [43] Цит. по: *Соколов А.К.* Указ.соч. С.144.
- [44] Цит. по: *Трукан Г.А.* Путь к тоталитаризму, 1917 - 1929. М.,1994. С.132.
- [45] РГАСПИ. Ф.17. Оп.85. Д.289. Л.31-32; *Виноградов С.В.* Указ.соч. С.92-93.